

Лариса Базарова

КЫРГЫЗСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Лариса Базарова

ЛЕГЕНДЫ

Бишкек
Издательство “Сервер Плюс”
2007

УДК 82/821
ББК 84Р7– 5
Б17

Базарова Л.
Б 17 Легенды. – Б. : Сервер Плюс 2007. – 56 с.

ISBN 978 - 9967- 24 - 080 - 3

В настоящий сборник вошли легенды, написанные в разное время. В первой части - произведения, созданные по мотивам кыргызских народных легенд - "Охотник Камбар", "Кетбука", "Бурана", "Легенда о двух ветрах", "Серая коза". Здесь и "Ночь на джайлоо" - зарисовка быта кыргызов прошлых веков. Введением дополнительного материала - исторических сведений, описания места действия, характеров героев, автор по-своему раскрывает содержание произведений, сохраняя при этом основную идею и атмосферу народных сказаний. Во второй части представлены произведения, созданные фантазией автора.

Б 4702010202 - 07
ISBN 978 - 9967 - 24 - 080 - 3

УДК 82/821
ББК 84Р7 - 5

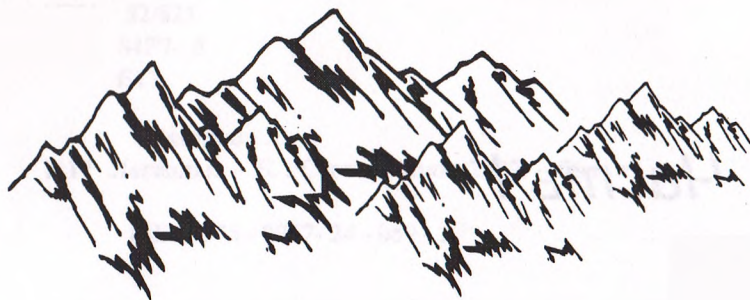
© Базарова Лариса Алексеевна., 2007

Часть I

Кыргызские легенды

*Рожь в поле посеешь – и вырастит рожь,
Жестокость посеешь – жестокость пожнёшь,
Как солнечный луч согревай всех любовью,
Добро будешь сеять – добро соберёшь.*

Лариса Базарова

Охотник Камбар

Когда-то давно, среди горных лесов
Охотник Камбар жил – был молод и смел,
Все девушки втайне мечтали о нём,
А песни какие слагать он умел!

Он был любопытен, настойчив, хотел
Везде побывать, всё увидеть, узнать.
Кто в небе рассыпал горстями созвездья?
Куда солнце на ночь уходит поспать?

Зачем ветер дует и гнёт низко ели?
Как может искриться в воде яркий луч?
И почему после зим идут вёсны?
И для чего месяц скрылся средь туч?

Еще он любил пенье птиц на рассвете
И трели ночного певца-соловья,
Журчанье воды, шёпот трав и деревьев
И звуки чоора¹ в горах у ручья.

Он знал все тропинки, ущелья, дороги,
Всех птиц и зверей, населяющих лес.
Следы на земле говорили ему
О жизни лесной, полной тайн и чудес.

Однажды он шёл, возвращаясь с охоты,
Лесною, знакомой тропинкой домой
И вдруг, неожиданно, звуки услышал
Откуда-то сверху, над самой тропой.

И так они были красивы, певучи,
Что смелый охотник под деревом встал,
И был очарован он музыкой этой,
Забыв всё на свете — звукам внимал.

Но кто же играет? Откуда же льётся
Мелодия эта? Вокруг только лес.
Камбар вверх взглянул, никого не увидел,
Лишь кроны деревьев среди синих небес.

Он был удивлен и решил разузнать,
Кто в ветвях деревьев красиво так пел?
Быть может, там птица, которой не знал,
Иль зверь неизвестный среди листьев сидел.

На дерево влез, осмотрелся вокруг —
От дерева к дереву нитка идёт,
А ветви, качаясь, цепляют её,
И тонкая нитка звенит и поёт.

То белки кишка — неудачный прыжок
Свершила она, торопясь, и об сук
Живот распорола. Меж веток кишка,
Как тетива натянулась на лук.

Шло время, и солнце её иссушило,
Меж веток сильнее натянулась она.
Когда ветер дул и деревья качались,
Звенела и пела, как будто струна!

Вниз с дерева слез восхищённый охотник,
Пошёл, размышляя над тем, что узнал
И смастерил самый первый комуз²,
Довольный собою, на нём заиграл.

Вот так появился кыргызский комуз,
И любят его все – как мал, так и стар.
Играя на нём, вспоминают о том,
Что сделал его охотник Камбар.

И в счастье он спутник, и в горе поддержка,
И в юрте звучит, и на пышных пирах,
Даря людям радость, любовь и надежду,
Всегда друг желанный в кыргызских домах.

А самую первую пьесу комуза,
Ту, что Камбар сочинил и сыграл,
Назвали в его честь, любя, камбарканом,
И каждый кыргыз о ней с детства слышал.

А вот музыканты, во славу Камбара,
Слагают свои камбарканы³ с тех пор
И музыка эта, сердца зажигая,
Звучала и будет звучать среди гор!

Кетбука

Давно это было очень,
Тяжёлые шли времена,
Как тучи летели по свету
Монголов лихих племена.

Их воля вела Чингисхана,
Что мир весь решил покорить,
Чужие, далёкие страны
Монгольской узде подчинить.

Земля под ногами горела,
Стон, крики, звон сабель, визг стрел,
Плен, рабство, насилие, горе —
Таков стал для многих удел.

И был среди войск Чингисхана
Безжалостный хан Кетбука —
Таких полководцев свирепых
Не знали седые века.

Он чёрною бурей, внезапно
Врывался, круша города.
Как символ жестокости лютой,
Остался в веках навсегда.

В одном из походов был послан
Своим повелителем он
Разбить восставших кыргызов,
Не чтивших монголов закон.

В крови потопил восстание,
Промчавшись, как смерч, Кетбука.
Смерть, ужас, земли разоренье
Запомнил народ на века.

О хане сложили легенды.
Одно из преданий гласит,
Что был у жестокого хана
Сын юный – отважный джигит.

Любил его хан беззаветно
Отцовской любовью слепой.
Наследником был всех богатств он
И правой его рукой.

Джигитом ⁴ слыл дерзким, бесстрашным,
Охоту и скачки любил,
Стрелял лучше всех он из лука,
Горячим скакун его был.

Отправился раз на охоту
Со слугами ханский сын,
В предгорье заметил кулана⁵,
Что пасся в одной из низин.

Таясь, осторожно подкрался –
Звенит тетива, и стрела,
Мелькнув, как смертельное жало,
В могучее тело вошла.

От боли безумной и страха
Помчалось животное прочь.
На горы уже опускалась
Крылом своим тёмная ночь.

И бросился юный охотник
Кулана преследовать вновь –
Из раны глубокой сочилась
На землю алая кровь.

Упал на траву, умирая,
Кулан, из последних сил
Лягнул подоспевшего сына –
На месте тот дух испустил.

Взирая на мёртвое тело,
Все слуги столпились вокруг.
В великом горе застыли,
Печален был этот круг.

Зловещая ночь в ханском стане,
Темно, ничего не видать,
И слуги в смятенье не знали,
Как страшную весть передать.

Хан, полон тревожных предчувствий,
Известий о сыне он ждёт,
Томим ожиданием мрачным,
Велит собирать народ.

И хан объявил перед всеми –
Металл раскалённый вольёт
Он в горло тому, кто о сыне
Недобрую весть принесёт.

Все замерли в страхе, и ужас
Людские сковал сердца.
Никто не желал такого
Печального жизни конца.

И только старик, очень древний,
Решился пред ханом предстать.
О гибели сына поведать,
Тяжёлую весть передать.

Он был музыкантом искусным.
Комуз – его преданный друг.
Прошли они вместе по жизни,
И вот замкнут жизненный круг.

Берёт музыкант инструмент свой,
Ложится на струны рука,
И ожили звуки, полился
Рассказ, как в ущелье река.

То слышится топот погони,
То след затерялся, то вновь
Стремительно мчатся кони,
Бурлит возбуждённая кровь.

Картины охоты мелькают,
Комуз горячит сердца,
В смятенье проносятся темы,
Погони не видно конца.

Все больше растёт напряжение,
Внезапно для всех, на лету
Два резких звука прервали
Безумную скачку ту.

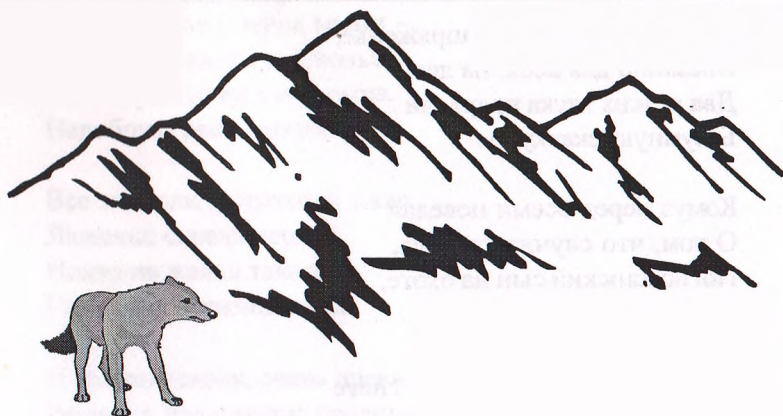
Комуз перед всеми поведал
О том, что случилась беда,
Погиб ханский сын на охоте,
Из жизни ушел навсегда.

Без слов хан всё понял и в гневе
Своё обещанье сдержал.
Казнён музыкант был за то, что
Ответ перед ханом держал.

В другой говорится легенде:
Расплавленный в чаше свинец
Был внутрь комуза вылит –
Печален легенды конец.

А музыка⁶ та, что исполнил
Пред ханом отважный старик,
В народе живёт и поныне –
Понятен её всем язык.

Прошла она через столетья,
И с нею прошли сквозь века
Старик-комузист и жестокий,
Безжалостный хан Кетбука.

Ночь на джайлоо

Ночь спустилася на горы,
Звёзды на небе зажглись,
И в кочевье на джайлоо⁷
Началась ночная жизнь.

По обычаю кыргызов,
Что идёт спокон веков,
Ночью женщины отары
Сторожат от злых клыков.

От волков, лисиц, корсаков⁸,
От разбойников лихих,
Что выходят на охоту
В темноту ночей глухих.

У отары собираясь,
Караульщицы поют,
Звонко выкрики взлетают,
Спать друг другу не дают:

"За перевал унеслась Бекбекей,⁹
И Саксакай улетел вслед за ней.
Вот у иголки загнулся конец,
Ночью пасти мне отару овец.
Ой, ду-уйт!

Буду иголку свою выпрямлять,
Нужно сегодня мне скот охранять.
Волки, лисицы, разбойники, прочь!
Я не усну в эту тёмную ночь.
Ой, ду-уйт!

Лисы, пусть лапы свихнутся у вас,
Уж не сомкнём этой ночью мы глаз.
Волк кровожадный, что рыщет в ночи,
Зуб свой о камень, ворюга, точи.
Ой, ду-уйт!

Только появится волк – мы окру'жим,
Палками серого вора оглу'шим,
Свяжем верёвкой его и проучим
И на верблюда злодея навьючим!
Ой, ду-уйт!

Жертву разбойник в ночи пусть не ждёт,
Кровью своею он пусть истечёт.
Будем всю ночь мы овец охранять,
Вор, не надейся, не будем мы спать.
Ой, ду-уйт!

О, Бекбекей! Эй, Саксакай!
Ночью нам скот охранять помогай!
О, Саксакай! Эй, Бекбекей!
С вами в ночи охранять веселей!
Ой, ду-уйт!

Бекбекей, Саксакай, я-а-а-а
Бекбекей, Саксакай, я-а-а-а
О, не спи, у-у-у
Не спи, а-а-а
Не спи, туу-уу-айт!"

Эхо звуки те разносит,
Далеко в горах звучит,
Ночью хищников пугает,
Громко птицею кричит.

Пусть все знают, что отары
Охраняют хорошо
И получит по заслугам,
Кто бы к ним не подошёл.

Так проходит час за часом,
Время за полночь идёт,
В тишине звенят цикады,
Месяц по небу плывёт.

Ветерок цветы колышет,
Пробегаю по горам.
Запах диких трав дурманит,
Как нежнейший фимиам¹⁰.

Воздух стал свежей, прохладней,
И роса уже блестит,
Сон над пастбищем витает,
Лишь река вдали шумит.

Тихо всё вокруг, спокойно,
Овцы смирные жуют,
И к костру, чтобы погреться,
Караульщицы идут.

Вместе девушки собрались –
Шутки, хохот, смех звенит,
Песни девичьи запели,
И темир-комуз¹¹ звучит.

Те чарующие звуки
Полились по склонам гор,
Красотой пленяя нежной,
Как изысканный узор.

Долетели до старухи,
Что прилежно скот пасла,
И она, чтобы погреться,
Тоже к девушкам пошла.

Увлекло её веселье,
Свежей юности задор,
И темир-комуз, и песни,
И беспечный разговор.

Стариной потрянуть решила,
В руки взяв темир-комуз,
Заиграла, запинаясь,
Песни, выбрав на свой вкус,

Те, что в юности играла,
Веселя своих подруг,
Так же, ночью, на джайлоо,
Собираясь в тесный круг.

Вспоминая поначалу,
Разыгралась под конец.
С любопытством все внимали,
Позабыв совсем овец.

Волк, в густой траве скрываясь,
Только этого и ждал,
И, подкравшись ловко к стаду,
Он овцу одну украл.

Ухватив её зубами,
Вскинул на спину, и вмиг
Растворился в темноте он,
Лишь овцы раздался крик.

Шум и гам средь караульщиц,
Появляется старик,
Он собак на волка гонит,
Лай разносится и рык.

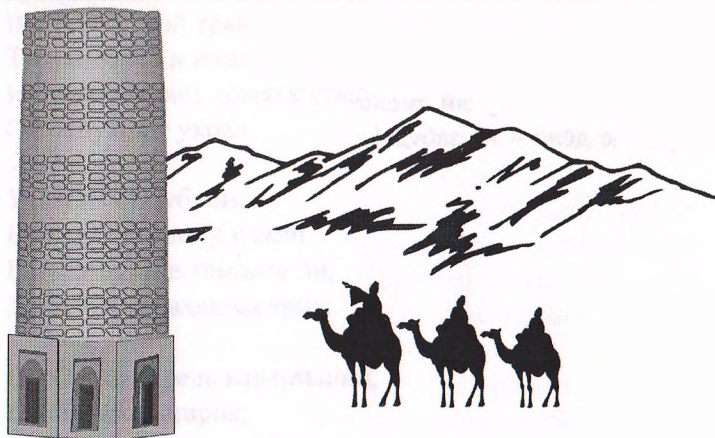
В темноте дерутся где-то
Свора псов и хитрый волк,
Но овцы уж не воротишь,
Шум сейчас – что в этом толк?

Плачет дед – овцы хозяин,
Караульщиц всех клянёт –
И старуху-комузистку,
И собак, и волчий род:

"Ах, ты, глупая старуха,
Не смогла овцу сберечь!
Не играть тебя оставил,
А добро моё стеречь!"

Долго так ещё ругался,
Проклинал всех и грозил.
Караульщицы молчали,
Пререкались – нет уж сил.

Ничего нельзя поделать
И пропажу не вернуть.
Сделал дело – гуляй смело.
Прежде дело – не забудь!

Бурана

Есть в Чуйской долине старинная башня,
По-тюркски зовётся она "Бурана"¹².
Когда-то её окружал древний город
И жизнь в нём кипела с утра до темна.

Здесь жили ремесленники, земледельцы,
Торговцы, серебряных дел мастера,
Изящные делали кольца, браслеты
И перстни из золота и серебра.

Вокруг городских стен поля колосились,
Под ветром качались пшеница, ячмень,
Лоза виноградная грелась на солнце,
Звенел, ударяясь о землю, кетмень¹³.

Стоял этот город на тракте торговом,
Что звался "Великий Шёлковый путь",
И караваны верблюдов с товаром
Спешили сюда, чтобы здесь отдохнуть.

Для них в караван-сарай радушно
Всегда был готов и обед, и ночлег,
И после опасной и трудной дороги
Тут время как будто смиряло свой бег.

На площади города с шумом и гамом
Жил жизнью своею восточный базар.
Торговцы съезжались сюда отовсюду
Купить или продать привезённый товар.

И так продолжаться могло ещё долго,
Но вот наступили лихие года –
Грозные полчища орд Чингисхана
Стёрли сей город с земли навсегда.

Лишь башня от города чудом осталась –
Стоит одиноко в долине среди гор
И, взоры к себе привлекая невольно,
С ветрами о прошлом ведёт разговор.

О башне в народе бытует легенда,
Что хан здесь когда-то стареющий жил,
Красавица дочь у него подрастала,
Её больше всех он на свете любил.

Боясь, что недолго ему жить осталось,
Созвал хан совет мудрецов, чтоб они
Дочери юной судьбу предсказали,
Какие ей жизнь уготовила дни.

И вот мудрецы, выходя друг за другом,
С поклоном твердили, что нет никого,
Чья жизнь так удачна, так счастлива будет,
Как у наследницы юной его.

Будет она и умна, и богата,
И хороша, как природа весной.
Счастье её никогда не покинет,
Беды-печали пройдут стороной.

Муж её будет из знатного рода,
Много здоровых, красивых детей,
И проживёт она долгие годы –
Так мудрецы напроорочили ей.

Вот, наконец, вышел самый последний –
Не было старше его мудреца –
И, поклонившись пред ханом, он молвил:
"Выслушай правду всю, хан, до конца.

О, повелитель, казнить меня можешь,
Но не посмею я скрыть от тебя –
Слишком печально моё предсказанье,
Но я скажу, не жалея себя.

Ранняя смерть твою дочь ожидает,
В самом расцвете её юных дней.
Страшный укус каракурта¹⁴ причина –
Яд его многих ядов сильнее."

Хан, потрясённый известием этим,
Выстроить башню большую велел.
В мрачный подвал под ней бросили старца,
Чтоб огорчать хана больше не смел.

В комнате верхней той башни высокой
С этих пор ханская дочь стала жить,
И никого к ней наверх не пускали –
Хан решил дочь от всех бед оградить.

Только служанка еду ей носила,
И каждый раз всю одежду её
Тщательно слуги пред тем проверяли,
Чтоб каракурт не проник в то жильё.

Годы бежали, и дочь подрастала,
И расцвела, как весенний цветок.
Хан начал думать, что было ошибкой
То предсказанье, что старец изрёк.

В день, когда девушке стало шестнадцать,
Хан решил сам свою дочь навестить,
Чтобы увидеть её, и поздравить,
И украшения ей подарить.

Взял он с собою поднос с виноградом,
Спелым, янтарным и сладким, как мёд,
Вверх по ступенькам на башню поднялся
В комнату, где давно дочь его ждёт.

И перед нею поднос он поставил –
Ах, как красив, как хорош виноград!
Крупные кисти влекут к себе, манят –
Хан восторг дочери видеть был рад.

Самую крупную кисть винограда
Дочь, улыбаясь, взяла – в тот же миг
Руку отдёрнула, в башне раздался
Девушки юной пронзительный крик.

То был смертельный укус каракурта,
Что, притаившись, под кистью сидел.
Так мудреца предсказанье свершилось –
Каждому свой уготован удел.

Смерть юной дочери хана сразила –
Умер он в том же году, вслед за ней,
И стоит башня с тех пор одиноко,
Напоминая события тех дней:

Напоминая о хане и старце,
Девушке юной, как нежный цветок,
И о судьбе её, слишком печальной, –
Хан изменить её так и не смог;

Напоминая о городе древнем,
Что у подножья когда-то шумел,
Людах, здесь живших, и тех, кто построить
Башню старинную эту сумел.

Путник, идущий иль едущий мимо,
Остановись, посмотри пред собой.
В этих местах слышен вечности голос,
Голос веков, говорящих с тобой!

Легенда о двух ветрах

Средь Тянь-Шаньских гор высоких
Озеро большое есть,
Иссык-Кулем¹⁵ называют,
И легенд о нём не счесть.

Вот одна из них: "Когда-то,
Много лет тому назад,
Правил здесь своим народом
Хан – был мудр он и богат.

Табуны коней горячих
По предгорьям паслись,
Овцы тучные в отарах
По ложбинам разбрелись.

И была у того хана
Дочь любимая одна,
Красотой, умом затмила
Всех подруг своих она.

Лунолика, черноглаза,
И стройна, как тополёк,
Зубы жемчугу подобны,
Губы – розы лепесток.

Смех её, как колокольчик,
Заливается, звенит,
Говорит, как будто речка
Нежно, ласково журчит.

И сердца джигитов смелых
Загорались не раз,
Но она, смеясь, шутила
И для всех звучал отказ.

Хан решил сам выбрать мужа
Для любимицы своей –
Самый сильный и отважный
Мог понравиться лишь ей.

Объявил хан, что получит
Руку дочери джигит,
Тот, кто в честном поединке
Остальных всех победит.

Много съехалось народа,
Чтоб удачу испытать
И в награду благосклонность
Ханской дочери сыскать.

После жарких состязаний
Два осталось лишь борца,
Два соперника сильнейших,
Два достойнейших бойца.

То Санташ, он сильный, смелый,
Честный, доблестный джигит,
И Улан, он быстр и ловок,
Словно беркут в бой летит.

Вот сошлись они в последнем
И решающем бою,
Чтоб понять, кто всех сильнее, –
Тем узнать судьбу свою.

Долго длился поединок –
Минул день, прошла и ночь,
Вот недели пролетели,
Месяцы промчались прочь.

Но никто не уступает,
Не сдаётся в том бою.
Каждый бьётся до победы
За любимую свою.

И, увидев бесконечный
Поединок тех бойцов,
Бог в два ветра превращает
Двух достойных храбрецов.

И с тех пор над Иссык-Кулем
В схватках страстных кружат вновь,
Продолжая поединок,
Ветры, споря за любовь.

Выясняют меж собою,
Кто отважней и сильнее,
Кто для девушки любимой
Всех желанней и милей.

Так, Санташ¹⁶ – восточный ветер –
С гор срываяся, летит,
Тучи чёрные приносит,
Дико воет и свистит.

А навстречу из ущелья
Рвётся яростный Улан.
Он стремительный, внезапный,
Мощный ветер-ураган.

И на озере вздымают
Они горы из воды,
Друг на друга мчатся волны,
И несчётны их ряды.

Ударяясь меж собою,
На дыбы они встают,
Воды озеро бушуют,
Ветры яростно ревут.

Битва страшная кипит –
Всё бурлит вокруг, клокочет,
Ключья пены, залпы брызг,
Молний блеск и гром грохочет.

Так сражаются два ветра,
Но, устав от ратных¹⁷ дел,
Постепенно затихают,
Возвращаясь в свой удел.

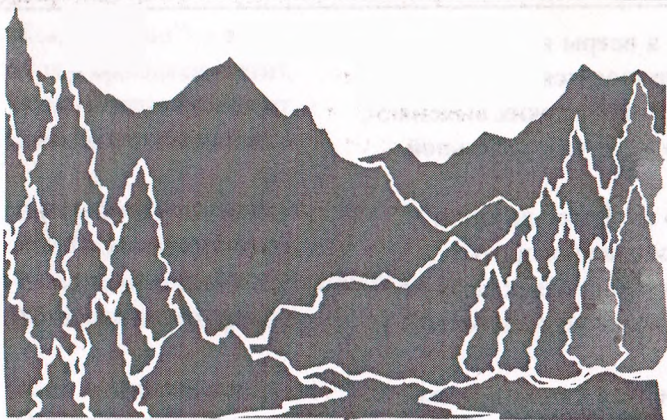
Девушка ждала так долго
Кто же станет мужем ей,
Что скалой высокой стала –
Так и ждёт до наших дней.

Ну, а ветры всё летают
И проносятся над ней,
В битвах жарких выясняют,
Кто же лучше и сильнее,

Кто же более достоин
Её сердце покорить,
С кем она навек захочет
Жизнь свою соединить."

И сейчас увидеть можно
Ту скалу средь гребней гор.
Ну, а ветры продолжают
Бесконечный давний спор.

И когда на Иссык-Куле
Волны пенные бегут,
Старожилы утверждают –
Это ветры спор ведут.

Серая коза

Бежали, сменяя друг друга, века,
Взирая бесстрастно на мир свысока,
Громады гор снежных вздымались к небу,
Прорезала путь между ними река.

Бурля, она пенные воды несла,
Катила вниз камни, сердита и зла.
В глубоком ущелье и ночью и днём
Всегда было сыро и пряталась мгла.

Но, вырвавшись с шумом из мрачных теснин,
Бежала привольно средь пастбищ, долин,
На солнце сверкая прозрачной струёю,
Холодной, как снег белогривых вершин.

По склонам тех гор поднимались леса.
Звенели в их чаще густой голоса
Бесчисленных птиц и зверей, там живущих.
Орёл величаво парил в небесах.

А выше лесов простирались луга.
Весною, когда отступали снега,
Ковром из цветов покрывались склоны,
Скрывая звенящих ручьёв берега.

Ещё выше – скал неприступных громады.
Порою случались среди них камнепады,
Лишь горные козы взбирались к вершинам,
И в тучах сверкали там молний разряды.

В горах, среди этой прекрасной природы,
С семейством своим, наслаждаясь свободой,
Жила Мать-коза и растила козлят.
Бежали года, как весенние воды.

Потомки её расселились по скалам,
И в этих местах никогда не ступала
Нога человека, что жил за горами,
Хоть птиц и зверей здесь водилось немало.

Но как-то однажды в те дивные горы
Охотник забрёл, восхищённые взоры
Бросал на леса с их тенистой прохладой,
Зелёных лугов бесконечных просторы.

Козу и козлят среди скал он увидел.
Паслись они мирно, никто не обидел
Ни разу их в жизни, доверчивы были –
Беды, что нависла, никто не предвидел.

Охотничья страсть в человеке вскипела,
И жажда убийства пронзила всё тело.
Он лук натянул – и стрела за стрелой,
Летели в козлят, верша страшное дело.

Кровавая бойня творилась вокруг,
Телами усыпан зелёный был луг,
И мирное пастбище стоном и криком,
Страданием животных наполнилось вдруг.

Охотник пощады не ведал, не знал,
Жестоко, безжалостно он убивал,
И жадность его не имела границ,
Довольный, на муки животных взирал.

И тут, словно молния серая, вмиг
Предстала пред ним Мать-коза – он на миг
Опешил – она заслонила детей:
"Стой, жадный охотник ! – услышал он крик . –

Безумство твоё не имеет предела,
Творишь ты ужасное, страшное дело.
Зачем убиваешь детей ты моих? –
Вперёд на охотника бросилась смело. –

Уж если ты храбрый и сильный такой,
Меня догони и убей ты стрелой,
Но лишь беззащитных ты можешь обидеть,
Меня не достать тебе жадной рукой!"

Взбешённый охотник свой лук натянул,
И злобно, с презреньем в глаза ей взглянул –
Звенит тетива, и вонзается в ногу
Стрела, что жестокий охотник метнул.

Хромая, она устремляется прочь.
Охотник погнался за ней, уж невмочь
Ему удержаться – он страстно желает
Убить Мать-козу. Надвигается ночь.

Но он то бежит, то идет за Козой,
По скалам взбирается, сам уж не свой,
Горит весь желаньем её застрелить
И с этой добычей вернуться домой.

Коза-мать хромает всё больше, сильнее,
Охотник почти приближается к ней,
Но резкий прыжок – и она вновь уходит,
И сумрак скрывает её меж камней.

Из сил выбиваться охотник уж стал,
Одежду порвал и свой лук потерял,
Но жажда расправиться с Серой козю
Толкает вперед, хоть он очень устал.

И так продолжалось всю ночь до утра.
Когда наступила рассвета пора,
Увидел, что в место попал он глухое
И путь преграждает большая гора.

Коза завела его в дикие скалы,
Где раньше ничья и нога не ступала.
Прижат он к скале на отвесном обрыве,
И пропасть пред ним, под ногами, зияла.

Шагнуть он не может ни вверх и ни вниз,
Ни вправо, ни влево – так узок карниз,
И сил уж совсем не осталось держаться,
Скользит – и над пропастью страшной повис.

Он понял: его обхитрила Коза,
Затмила и разум его, и глаза,
Чтоб жизнью своей заплатил за убийство,
Сюда завела за детей наказать.

И помнят историю эту века –
Охотника дрогнула злая рука,
Сорвался он в пропасть, на дно, и разбился,
И тело терзала о камни река.

Лишь эхо в горах его крик повторяло,
Как будто смеялось над ним, ликовало,
И в ярких лучах восходящего солнца
Коза на скале неподвижно стояла.

Охотнику так отомстила она.
За зло расплатился он жизнью сполна.
Никто не уйдёт от возмездья, поверьте,
И выпьет страданий всю чашу до дна.

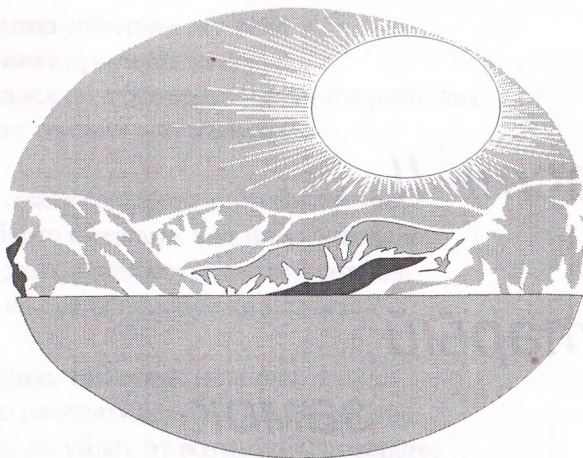
Безжалостным, злобным и жадным не будь,
Ведь ты не один на Земле – не забудь!
Природе все дороги – звери и люди,
И вместе по жизни проложен наш путь.

Часть II

Старый замок

*Победившая любовь,
Ты достойна восхищенья
И, воспетая в веках,
Не узнаешь тьмы забвенья.*

Лариса Базарова

Легенда об Иссык-Куле

Когда-то давно, что теперь и не вспомнить,
В Тянь-Шаньских горах кочевой жил народ,
Коней табуны и овечьи отары
Пасли пастухи, охраняя свой скот.

Средь пастбищ зелёных белели их юрты,
Дымки' вверх взвивались от ярких костров,
Где женщины пищу варили и ждали
Уставших мужей у родных очагов.

Вечерней порой молодёжь собиралась —
То игры затеет, то песни поёт.
Там шутки звенели и радость царила,
Певцам и поэтам — любовь и почёт.

И были среди них двое юных влюблённых —
Красавица девушка, горный цветок,
И юноша, словно орёл, гордый, смелый, —
Бурлила в них жизнь, как весенний поток.

Любовь их была столь глубокой и чистой,
Столь радостной, светлой, что не было дня
Без новых свиданий, нежных признаний
И жарко пылавшего в сердце огня.

Всё в жизни прекрасным казалось: и солнце,
Что сыпет на них золотые лучи,
И месяц, плывущий по небу, и звёзды,
Что ярко сияют в волшебной ночи,

И ветер им в радость, и дождь не помеха,
И травы, как мягкий пушистый ковёр,
И пение птиц, и в горах звуки эха –
Всё сердцу приятно, всё радует взор.

Вот как-то однажды, встречаясь с любимой,
Ей юноша свой подарил амулет –
То камень был ценный, он был оберегом
И мог защитить от несчастий и бед.

Поведал, что если случится несчастье,
Чтоб камень потёрла, сказала ему,
Что знать бы хотела, и камень подскажет,
Он может помочь : "Верь ему одному!"

Родители к свадьбе готовились дружно,
Чтоб вместе влюблённые были всегда,
Но часто в судьбе всё меняется круто –
В их жизнь неожиданно вторглась беда.

В то время в горах, среди скал неприступных,
В глубокой пещере, во мраке, жила
С когтями и носом железным старуха,
В народе ужасною ведьмой слыла.

На сводах той мрачной пещеры висели
Летучие мыши – лишь солнце зайдёт,
Взлетали огромною чёрною стаей
И в ночь уносились, закрыв небосвод.

Как первый луч солнца появится в небе,
Стремительно вновь возвращались они,
Так каждую ночь над горами кружили,
В пещере от света скрываясь все дни.

Лохматый паук плёл свою паутину –
Свисала она по углам и со стен.
Для жертвы несчастной, в неё угодившей,
Недолгим был страшный, мучительный плен.

И в воздухе плесенью пахло и гнилью,
Торчали причудливо плети корней,
Внизу на земле извивались змеи,
Скользили бесшумно среди голых камней.

В конце той пещеры костёр горел ярко,
Огромный котёл был над ним, а в котле
Бурлила вода, было душно и жарко,
И искры взлетали и гасли во тьме.

Старуха заклятья читала и в воду
Бросала щепотки сухих диких трав.
Вода то светлела, то снова темнела –
Там зелье варилось для порч и отрав.

Людей, ненавидя всем сердцем коварным,
Несчастья на них насылала она –
Болезни и беды, разлуки, страданья –
Такая уж сила колдунье дана.

Однажды, в горах собирая коренья,
В том месте, где бил из-под камня родник,
Увидела встречу двух юных влюблённых,
И зависти червь в её сердце проник.

Вскипела в ней злоба и ненависть к людям,
И жажда злых козней змеей подползла.
Решила она разлучить двух влюблённых,
Любовь погубить их при помощи зла.

И вскоре представился случай удобный –
Пас юноша как-то отару овец,
В горах был один, и ничто не мешало
Коварству разрушить любовь двух сердец.

Используя чары, волшебница злая
Вмиг стала прекрасна, юна, хороша,
Предстала пред юношей, сердце смутила –
От чар новой страстью зажглася душа.

Забыл он любимую девушку, клятвы,
Что было меж ними – померкло, прошло,
Был будто во сне, ничего он не помнил,
И солнце любви его прежней зашло.

Он шёл за колдуньей, всё выше взбираясь,
По горным тропинкам, средь скал и камней,
В пещеру вошёл, осмотрел, озираясь, –
Всё мраком и холодом веяло в ней.

И здесь, вновь приняв своё злое обличье,
Колдунья злорадно хохочет над ним –
Волшебные чары прошли, он очнулся,
И жизнь его вмиг пронеслась перед ним.

Он вспомнил любимую девушку, встречи,
То счастье, что было в груди у него,
И в гневе набросился он на колдунью,
Потребовав, чтоб отпустила его.

Но злая волшебница только смеялась,
В ответ говорила, что он никогда
Отсюда не выйдет и свет не увидит,
В пещере останется с ней навсегда.

Клюкою своею к нему прикоснулась,
Защиты прочла – он пытался бежать,
Но в камень холодный тотчас превратился
И так и остался в пещере стоять.

А в этот миг девушке сердце сказала,
Что с милым случилась лихая беда.
На поиски бросилась, всюду искала –
Нигде его нет, он исчез без следа.

И, сняв амулет, что любимым подарен
На счастье был ей в разгар летней жары,
Потёрла рукой – засверкал алый камень,
Лучом указав на вершину горы.

Отправилась в путь она горной тропкою,
Что шла меж кустарников, острых камней.
Чем выше взбиралась, тем круче гор склоны,
Тем путь становился опасней, трудней.

Ах, как же устала она, поднимаясь,
И бешено сердце стучало в груди,
И силы её покидали, но нужно,
Забыв про усталость, на помощь идти.

Тропа привела её в дикое место.
У входа в пещеру, пред тем как войти,
Взглянула на солнце, на небо и травы —
Тревога в груди продолжала расти.

Войдя в мрак пещеры и вскоре увидев
Свет яркий костра, подошла; рядом с ним
Старуха сидела, мешая в нём угли,
Взлетали вверх искры и шёл чёрный дым.

К старухе она обратилась с почтеньем,
Поведав, какая беда привела
Её в это место, ещё попросила,
Чтоб та жениха отыскать помогла.

Сверкнув злобным взглядом, колдунья сказала,
Что лучше забыть ей теперь жениха,
Пусть прочь убирается — нет уж на свете
Столь милого сердцу её пастуха.

Он каменной глыбой стоять будет вечно,
Здесь, в тёмной пещере, средь серых камней,
И к людям уже никогда не вернётся,
Останется тут до скончания дней.

Она указала на камень холодный,
Что рядом с другими безмолвно стоял,
Осталась довольна тем злом, что свершила,
Злорадный смех долго в пещере звучал.

В отчаянье бросилась девушка к глыбе,
Несчастное сердце на части рвалось,
И хлынули слёзы горячим потоком —
То девичье горе на камень лилось.

Бежали так сильно горячие слёзы,
Что озером стали огромным они,
Земля содрогнулась и рухнули скалы –
Под ними колдуньи закончились дни.

Погибла она, и волшебные чары
Рассеялись, словно и не было их.
Вновь юноша ожил – он вместе с любимой,
Всё стало как прежде, до бедствий лихих.

И солнце для них снова ярко сияет,
И птицы поют, и ручьи звенят вновь.
Какое же счастье любимым быть вместе,
По жизни идти, прославляя любовь!

А озеро так на века и осталось
Солёным и тёплым от девичьих слёз.
С тех пор называют его Иссык-Кулем¹⁵ –
Не властен над ним даже сильный мороз.

Сверкает оно в ожерелье Тянь-Шаня,
И синие воды его как сапфир¹⁸,
Влюбляя в себя и сердца покоряя,
Красою своей восхищает весь мир.

Старый замок

Зачарованна, околдованна
Ночь стоит над уснувшей рекой,
В воду смотрятся звёзды с луною,
Охраняя тот сонный покой.

Не колышется гладь, и не вздрогнет
Рябь речная на тёмной воде,
Птичий голос из леса не слышен —
Тишина колдовская везде.

Все застыло в томлении странном,
Будто ждёт непонятных чудес,
И туман, словно призрак обманный,
Растянулся до самых небес.

Вдруг тростник колыхнулся. О, чудо!
Кто нарушил волшебный сей сон?
И раздался откуда-то будто
Приглушённый, слабеющий стон.

Может, птица проснулась ночная?
Сонный зверь шевельнулся в глуши?
Или воля какая-то злая
Стала мстью чёрной души?

У реки, на скалистом обрыве,
Замок молча старинный стоит,
Рвом вокруг опоясан широким,
Грозным стражем сквозь время глядит.

Лунным светом печальным он залит,
Скован сном, тишиною объят —
Так стоит на скале величаво,
Вот уж много столетий подряд.

Видно бойниц пустые глазницы
И зубцы над высокой стеной,
Опустели просторные залы,
Где шла жизнь непрерывной чередой.

Замка старые стены всё помнят
О событиях прошлых веков —
Битвах рыцарей, страшных пожарах
И осадах несметных врагов.

Помнят песни певцов-трубадуров¹⁹,
Треск копья, стук копыт, звон мечей,
Поединки жестоких турниров,
Страстность пламенных, жарких речей.

Но особая память о юном,
О прекрасном создании, что здесь
Появилось на свет, и узнало
Страсть любви, и разлуку, и месть.

Злой, коварной рукой был оборван
И погублен той юности цвет.
Девы прежней не стало, но в замке
Появился вдруг призрак в ответ.

В тьме ночной, в полнолуние приходит,
Чтобы вспомнить то время, и вновь
Перед ним чередой проходят
Все надежды, мечты и любовь.

Он выходит в тиши на поверхность
Из зелёных мерцающих вод,
В старый замок уснувший заходит,
Рассекая речную гладь вброд.

Призрак белый, совсем невесомый,
Как струящийся лёгкий туман,
Он скользит по пустым залам замка,
Как причудливый света обман.

То появится в тёмном окошке,
То по лестнице ветхой летит,
На заросших травой дорожках
Станный смотр во мраке вершит.

Свет луны, тусклый, полный печали,
Сквозь него устремляется прочь.
Вид его, одинокий и грустный,
Наполняет притихшую ночь.

По развалинам замка блуждает,
Леденит сердце жалобный стон
И на путника в полночь наводит
Ужас, душу пронзающий, он.

Но течёт время, звёзды тускнеют,
Всё прозрачней, светлей небосвод,
Приближается время с рассветом
Возвращаться под сень тёмных вод.

Скоро первый луч в небе пробьётся,
Заиграет зарёй новый день
И растает тот призрак печальный,
Унесётся во мрак, словно тень.

Встрепенётся, проснувшись, природа,
Разгорится огнём солнца свет
И своею могучею силой
Растворит бездну страхов и бед.

Восточная легенда

Зной палящий, жарко, душно,
Раскалённые пески,
Солнце смотрит равнодушно,
Всё берет в свои тиски

На огромном синем небе
Облаков давно уж нет,
На безжизненной равнине
Трудно встретить чей-то след.

Все попряталось живое
В норы, щели меж камней,
Глубоко в песок зарылось
От безжалостных лучей.

Не видать жилья, колодца,
Ни оазиса вдали –
Кара-Кумами²⁰ зовётся
Та большая часть земли.

Раскалённый жаркий ветер
Дует вечером и днём,
Он стада барханов гонит,
Солнце плавит их огнём.

Не спеша ползут барханы,
Засыпая все следы.
Гибель верная в пустыне
Человеку без воды.

Зной всё тело иссушает,
Жажда сводит здесь с ума,
Миражи обманом манят –
Вдруг встают дворцы, дома.

Видит путник и озёра,
С чистой, свежей водой,
Но мираж проходит скоро –
Прочь уносится долой

* * *

По пустыне раскалённой
Караван шёл не спеша,
Гордо двигались верблюды,
Проходя за шагом шаг,

Меж горбов тяжёлы выюки
И погонщики сидят.
Путь их труден и опасен,
Цель конечная – Багдад.

Проводник, старик почтенный,
Все дороги исходил,
Меж колодцев по пустыне
Караваны проводил.

Зорко смотрит он вперед,
Выбирая путь короче,
Место ищет для стоянки —
Дело движется ведь к ночи.

Но кругом пески, барханы,
Ветер, зной, устал старик,
Сон смыкает ему очи,
Вот уж дремлет проводник.

Вдруг внимание привлёк
Силуэт вдали невнятный —
То ли вещь, то ль человек,
То ли зверь там непонятный?

Караван подходит ближе,
Слез с верблюда вниз старик,
Он идёт, и что же видит?
Человек в песке лежит.

Без сознания, неподвижен
И песком присыпан он.
Жив ли? Жив, он еле дышит,
Будто спит глубоким сном.

Кто он? Юноша безродный
Или знатный человек?
Как попал он в глушь такую,
Чтоб закончить здесь свой век?

Проводник людей окликнул,
Те несут бурдюк²¹ с водой,
Привели беднягу в чувство
И берут его с собой.

Но скорей, вперёд к колодцу!
До темна найти бы путь,
Чтоб животные напились
И самим бы отдохнуть.

* * *

Вот стоянка у колодца.
Ночь раскинула шатёр.
Подкрепились на привале,
Завязался разговор.

Кто-то дом свой вспоминает,
А другой – жену, детей,
Третий плов отведать хочет
Поскорей в кругу друзей.

Так болтают понемногу,
Не обходится без спора,
Лишь наш юноша несчастный
Избегает разговора.

На песке лежит один он,
И всем кажется, что дремлет,
В голове воспоминанья,
Горьким мыслям с грустью внемлет.

* * *

Пышный славный дворец Ахмат-шаха,
Толпы слуг – все покорны и лстивы,
Там гарем полон страстных красавиц,
Чьи глаза и прекрасны и лживы.

То наложницы, жёны, рабыни –
Они блещут красою Востока.
Меж собою соперницы злые,
Зависть правит меж ними жестоко.

Но среди них есть одна такая,
Что нельзя, раз взглянув, не влюбиться,
Отказаться от радостей рая,
Чтоб хоть раз рядом с нею забыться.

То прекрасная роза Востока,
Так свежа, так нежна и желанна,
Ясный взгляд её сердце тревожит
И влечёт, как родник долгожданный.

Гибкий стан, как тростник у колодца,
Как у лёгкой газели ²² походка,
Каждый жест её полон достоинств.
Да, для шаха большая находка!

Шах жену свою любит, лелеет,
Бережёт и заботится нежно,
Дорогие подарки ей дарит,
Навещаю гарем свой прилежно.

Но не любит красавица мужа,
Холодна с ним она, равнодушна,
Безразличны заботы ей шаха,
Как в темнице, в гареме ей душно.

Рвётся сердце её на свободу,
В сад тенистый отцовского дома,
Где жилось ей счастливо, привольно,
Где любая тропинка знакома,

Где впервые она повстречала
И познала любовь так неожиданно,
Сладки были надежды, мечтанья,
А реальность казалась обманом.

Но узнал о красавице юной
Грозный шах, повелитель могучий.
Слуг своих он направил за нею,
Те примчались грозною тучей.

Воля сильного шаха – закон,
Ей перечить не смеет никто!
За подарки и выкуп большой
Стала девушка шаху женой.

* * *

И померкла жизнь с тех пор –
Нет ни радости, ни счастья.
Нелюбимый старый муж
Хуже всякого ненастья.

Вспоминая жизнь свою,
Слёзы льет и чахнет, тает.
Как желанье жить разжечь,
Ни один мудрец не знает.

И встревожен старый шах,
Вызвал лекарей умелых.
О причине той поведать
Среди них давно нет смелых.

Они делают примочки
И настои трав дают,
Заклинания читают,
День и ночь вокруг спуют.

Но напрасны их старанья –
Заклинанья, причитанья
И знахарок ворожба,
Звездочётов предсказанья.

Чахнет дева день за днем,
Все грустней прекрасны очи,
Из покоев не выходит,
Горько плачет дни и ночи.

И один мудрец лишь древний,
Разгадав секрет печали,
Шаху смел о том поведать —
В страхе лекари молчали.

Черней тучи старый шах.
Как с женою быть любимой?
За неверность ли казнить
Иль на волю отпустить?

Как ни страшен был во гневе,
Но любовь сильнее была.
Не желал жене он смерти,
Жалость верх над ним взяла.

Заточить решил он в башню
Непокорную жену.
Верным сторожем ей будет
Евнух, преданный ему.

Пусть проводит день за днем
Долги годы в заточенье!
Шах обрек ее навек
За неверность на мученье.

* * *

А возлюбленный её,
Смелый юноша-джигит,
Страстью пламенной томимый,
Сквозь пустыню к ней спешит.

Но торговый караван,
Взявший в путь его с собой,
Был ограблен по дороге –
В тех местах царил разбой.

Люди были взяты в плен,
Позже в рабство их продали,
Только юноша отважный
Избежать смог той печали.

Из-под стражи он бежал,
Пробирался ночью тайно,
Днём он прятался и спал,
Не попасть чтоб в плен случайно.

Как ни труден был тот путь,
Но любовь вперед звала,
Сквозь препятствия, невзгоды
За собой она вела.

Если сердце полно страсти
И горит любви огнём,
Можно всё преодолеть,
Чтоб с любимой быть вдвоем.

Но великую пустыню
Пересечь всю одному
Никогда не удавалось,
Как известно, никому.

И наш юноша несчастный
После долгого пути,
Страшной жаждою томимый,
Уж не мог вперёд идти.

Без сознания на бархане,
Обессиленный, упал,
Солнце яростно сжигало
Злым огнём калёных жал.

Но, по милости Аллаха,
Караван в местах тех шёл
И случайно на бархане
Средь песков его нашёл.

Так счастливая звезда
Не оставила его
Посреди пустыни знойной
На погибель одного.

Он со спасшим караваном
Прибыл в город, где жила
Заточённая в неволе
Та, которая ждала,

Несмотря на все преграды,
На невзгоды и разлуку,
И мечтала лишь о встрече,
В сердце сдерживая муку.

Был подкуплен грозный страж,
И бежала из темницы
Вместе с юношей своим
Навсегда краса-девица.

Как сложилась их судьба,
Мы не ведаем, не знаем,
Но надеемся, что жизнь
Для влюблённых будет раем.

Победившая любовь;
Ты достойна восхищенья
И, воспетая в веках,
Не узнаешь тьмы забвенья.

Комментарии

- ¹ Чоор – пастушья дудочка.
- ² Комуз – самый любимый струнный музыкальный инструмент кыргызов.
- ³ Камбаркан – музыкальная пьеса для комуза.
- ⁴ Джигит – искусный наездник.
- ⁵ Кулан – копытное животное, во внешнем виде которого сочетаются черты лошади и осла.
- ⁶ "Кетбука" – музыкальная пьеса для комуза, в основу которой положена одноимённая легенда.
- ⁷ Джайлоо – высокогорное пастбище.
- ⁸ Корсак – порода лисицы.
- ⁹ Бекбекей, Саксакай – имена мифических существ, которые по поверьям древних кыргызов помогали охранять скот.
- ¹⁰ Фимиама – благовонное вещество для курения.
- ¹¹ Темир-комуз – "железный комуз", древнейший металлический щипковый музыкальный инструмент, напоминает по звучанию русский варган.
- ¹² Бурана – в переводе означает "башня", построена в начале XI века, недалеко от города Баласагун, столицы караханидов, правивших в Центральной Азии – и с X по XII века
- ¹³ Кетмень – в Центральной Азии род мотыги для окучивания посевов, рытья арыков.
- ¹⁴ Каракурт – ядовитый паук.
- ¹⁵ Иссык-Куль – в переводе "горячее озеро", озеро в Тянь-Шанских горах.
- ¹⁶ Санташ, Улан – ветры, дующие над озером Иссык-Куль. Санташ – восточный ветер, Улан – западный.
- ¹⁷ Ратные дела – военные, боевые дела, сражение.
- ¹⁸ Сапфир – драгоценный камень синего или голубого цвета.
- ¹⁹ Трубадур – в средневековой Европе певец-поэт.
- ²⁰ Кара-Кумы – в переводе "чёрные пески", пустыня в Центральной Азии.
- ²¹ Бурдюк – мешок из шкуры животного для хранения воды и других жидкостей.
- ²² Газель – антилопа, отличающаяся стройностью и быстротой бега.

Оглавление

Часть I

Кыргызские легенды..... 3

Охотник Камбар..... 4

Кетбука..... 7

Ночь на джайлоо..... 12

Бурана..... 18

Легенда о двух ветрах..... 23

Серая коза..... 28

Часть II

Старый замок 33

Легенда об Иссык-Куле..... 34

Старый замок..... 41

Восточная легенда..... 45

Комментарии..... 55

Подписано в печать 25.03.2007г. Тираж 300 экз.

Отпечатано в компьютерно-копировальном центре издательства.